

МЕЖДУ РУССКИМИ И УКРАИНЦАМИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЦ С РУССКО-УКРАИНСКОЙ ЭТНИЧНОСТЬЮ В РОССИИ

В.В. Бубликов

Василий Валерьевич Бубликов | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | к. соц. н., доцент | Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия)

Ключевые слова

этническая идентичность, множественная этноидентичность, полиэтничность, бизноры, русские, украинцы, русско-украинцы

Аннотация

Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования, выполненного среди жителей с русско-украинской идентичностью в нескольких регионах России в 2020 г. В центре работы находится вопрос устойчивости этнического самосознания русско-украинских бизноров и причин его трансформации. Исследование выявило, что данная этногруппа делится на две примерно равные подгруппы: тех, у кого ощущение двойной этничности присутствовало всегда, и тех, у кого соотношение русской и украинской компонент этничности менялось под воздействием тех или иных факторов. Факторами роста русской компоненты своей этничности респонденты называют: влияние русскоязычной среды, как правило, вследствие миграции; обучение на русском языке и вызванное этим ощущение большей социальной престижности русскости; смена национальности в документах и др. Факторами роста украинской компоненты этничности являются: интерес к своему происхождению, “корням”; посещение Украины и общение с украинскими родственниками; интерес к украинской культуре; общественно-политические события и др.

Информация о финансовой поддержке

РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [20-011-00676]

Идентичность этнически смешанного населения, которое, как правило, демонстрирует гибкость самосознания, обусловленную логикой инструменталистского поведения этнического меньшинства, долгое время оставалась на периферии интереса научного сообщества. Традиционно отечественная этнография изучала, а статистика фиксировала “народности”, “народы”, “национальности” или “этноты” как некие этнокультурные монолиты, что в условиях доминирующего сельского патриархального социума XIX – начала XX в. было вполне оправданным. Однако уже после 1930-х годов на волне ин-

Статья поступила 04.03.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 13.07.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бубликов В.В. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168–187. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020117> EDN: HSGCVW

Bublikov, V.V. 2022. Mezhdru russkimi i ukrainskimi: transformatsiia etnicheskoi identichnosti lits s russko-ukrainskoi etnichnost'iu v Rossii [Between Russians and Ukrainians: Transformation of Ethnic Identity of Persons with Russian-Ukrainian Ethnicity in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 168–187. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020117> EDN: HSGCVW

дустриализации, массовых миграций, урбанизации и пр., приведших как к относительно массовому распространению смешанных браков, так и к миграционному “размыванию” моноэтнических ареалов, концепция “один человек – одна национальность” стала приходить в некоторое противоречие с реальностью.

Так, если по данным переписи населения 1959 г. в РСФСР доля этнически смешанных семей составляла 8,3% (в СССР – 10,2%), то к 1989 г. это число выросло уже до 14,7% (в СССР – 17,5%) (Сороко 2014: 97). Очевидно, что дети в таких семьях были вынуждены выбирать одну из национальностей родителей и далеко не всегда этот выбор соответствовал реальным этническим чувствам человека.

Практически весь советский период “пятая графа” играла важнейшую социальную роль, открывая или, наоборот, закрывая возможности карьерного роста, получения высшего образования и т.п.¹ Присутствие этой графы почти во всех документах советских граждан наделяло национальность значимой ролью: она не только фиксировала этнокультурную идентичность, но и диктовала выбор “правильной национальности” для ряда этногрупп. Отсюда значительные колебания этнической статистики² и массовое “записывание” представителей стигматизированных в те или иные периоды этнических меньшинств русскими. Как пишет о периоде 1930-х годов В.А. Тишков:

Русскость, перейдя из широкой категории “православного человека” великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности (“нации”), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима (Тишков 2007: 86).

Следовательно, уже в советский период увеличение доли этнически смешанных семей и политизация этничности привели к тому, что точность этнической статистики была значительно снижена из-за отсутствия возможности фиксации жителями страны нескольких национальностей. Как отмечает В.В. Степанов, «[в] советские годы для многих отечественных этнологов, социологов, психологов были только русские, украинцы, татары, евреи и иные однозначные самоидентификации и никого “между ними”, а для статорганов и паспортных столов – двойная национальность вообще казалась абсурдом» (Степанов 2018: 70). Но нередко этим же госорганам концепция одной национальности не мешала выдавать человеку документы, в которых значились разные национальности. Ситуации, когда дети из смешанных семей или жители территорий, характеризовавшихся массовой сменой этнического состава, имели в документах разные записи о своей национальности, были и остаются многочисленными.

После распада Советского Союза, несмотря на некоторый “этнический ренессанс”, изменение концепции самого государства с интернационального СССР на более национальную Россию, в которой этнические русские многими воспринимаются в качестве “титulyной национальности”, привело к еще одной волне массового “переписывания” представителей ряда этнических групп в русские. В силу близости антропологических и этнокультурных признаков этот процесс затронул прежде всего белорусов и украинцев. Так, за 1989–2010 гг. численность этнических белорусов и украинцев в России сократилась в 2,3 раза (белорусов с 1206 тыс. до 521 тыс., украинцев с 4363 тыс. до 1928 тыс. человек) (Демоскоп Weekly б.г.).

Аналогичный процесс, хотя и в меньших масштабах, прошел и в остальных постсоветских государствах с той лишь разницей, что там роль “ассимилятора” стали играть соответствующие “титulyные этносы” (украинцы, белорусы и т.д.). Способствует “официальной ассимиляции” культурно близких мень-

шинств и массовое наделение этнонимов *русский, украинец, белорус* и т.д. не столько этническим, сколько гражданским смыслом. По нашей оценке, перепись 2021 г. покажет численность этнических украинцев в России в интервале от 1 до 1,5 млн человек, даже несмотря на “крымскую прибавку” и приток беженцев в 2014–2015 гг.

Часто в научной литературе статистическое уменьшение численности украинцев (а равно и белорусов, немцев и др.) в России, фиксируемое все постсоветские десятилетия, объясняется крайне упрощенно: как некий линейный процесс “естественной ассимиляции”. Однако на практике, как показывает ряд исследований (*Бубликов 2019; Люля 2020; Фурсова 2019*), речь идет скорее не о полной ассимиляции, а о распространении среди таких лиц множественной (чаще всего двойной) этничности, по крайней мере на несколько поколений.

В.В. Степанов, анализируя этническую статистику постсоветских переписей 2002 и 2010 гг., отмечает: “...российские украинцы сократились почти на один миллион человек без какого-либо заметного переселения на Украину или в другие государства. Это результат процесса самоидентификации и одно из проявлений двойственной идентичности” (*Степанов 2018: 81*). К аналогичному выводу приходят исследователи, изучавшие “бывших” украинцев в разных регионах России. Так, Т.А. Листова на основании анализа материалов по Воронежской области, пишет:

... наиболее распространенным является применение потомками украинцев к себе двух самоназваний, причем часто одновременно: традиционно принятого *хохол* и *русский*. <...> Определение собственной идентичности основывается на трех основных показателях: национальности “по паспорту”, по самоощущению и, наконец, по стране проживания. <...> Следствием такого подхода... становится неизбежное совмещение этнического и гражданского самосознания, что и отразилось в переписи 2010 г., показавшей резкое уменьшение числа этнических украинцев (*Листова 2014: 119–120*).

В итоге, “формальное определение себя русским по национальности, что стало массовым явлением, далеко не всегда соответствует реальному самосознанию” (Там же: 133).

Е.Ф. Фурсова, изучавшая проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири, тоже «приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности... которая включает также промежуточные русско-украинские варианты (“хахлы”)), а нестыковки в переписях обусловлены «именно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или “русификации”» (*Фурсова 2019: 748*). Исследователь из Алтайского края Н.В. Люля пишет: «...данные официальной статистики по вопросу идентичности украинцев и их потомков не отражают реальное состояние. Наблюдается одновременное определение себя украинцами, “хохлами” и представителями русского этноса» (*Люля 2020: 105*). Схожие процессы описывают и исследователи на Дальнем Востоке. Г.Г. Ермак отмечает: “Сегодня нередко в беседах и интервью приморцы демонстрируют многоуровневое этническое самосознание, считая себя одновременно русскими, украинцами, россиянами” (*Ермак 2015: 14*).

Однако, несмотря на схожие тенденции распространения двуэтничности среди потомков украинских переселенцев в разных регионах России, идентичность таких жителей страны остается недостаточно исследованной. Безусловно, региональная специфика оказывает значительное влияние на формирование этнического самосознания (и ниже мы рассмотрим самые значимые из этих особенностей на примере некоторых регионов), но в целом процессы формирования и трансформации идентичности в русско-украинской группе в разных регионах России определяются практически одинаковым набором факторов.

Методология, инструментарий и география исследования

В целях комплексного изучения идентичности жителей с русско-украинской этничностью коллектив ученых из Белгорода, Барнаула и Владивостока в июле–октябре 2020 г. провел этносоциологическое исследование в пяти регионах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения (Белгородская и Воронежская области – в Центральной России, Алтайский край и Омская обл. – в Западной Сибири, Приморский край – на Дальнем Востоке³). Выбор указанных регионов был обусловлен также степенью их территориальной удаленности от Украины (два приграничных региона, три – отстоят на тысячи километров), поскольку прослеживание влияния именно этого фактора на идентичность и этнокультурные характеристики респондентов являлось одной из исследовательских задач.

Для сбора информации был использован метод глубинного структурированного интервью, поскольку, с одной стороны, он позволяет провести максимально доверительную беседу с респондентом в режиме “один на один”, а с другой – использование единообразной анкеты снижает риски субъективности при интервьюировании. Общее количество проведенных интервью – 100 (по 20 в каждом регионе).

Все респонденты были совершеннолетними и проживали постоянно в городах и районах, включенных в зону изучения; место рождения и миграционная история не имели значения. Подавляющее большинство опрошенных (70 из 100) были уроженцами мест их настоящего проживания, т.е. “коренными” жителями, 21 респондент родился на Украине, 6 – в Казахстане, 3 – в других субъектах РФ. Условием участия в исследовании являлось обязательное наличие у респондентов (в любом соотношении) русской и украинской компонент этничности, что определялось в предварительной беседе. Допускалось участие тех, кто имел три и более этнические компоненты, но русская и украинская при этом должны были быть преобладающими, а также тех, кто ассоциировал себя с этнонимом “хохлы”, при условии, что они рассматривали эту этногруппу не как отдельную, а как переходную между русскими и украинцами⁴.

Поскольку одной из гипотез исследования являлось предположение о значительных различиях в генезисе и механизмах воспроизводства биэтнической идентичности в местах компактного и дисперсного расселения русско-украинских жителей, в каждом регионе соблюдалось соотношение: 50% респондентов проживало в сельской местности или малых городах (территории компактного расселения), 50% – в крупных городах или региональных столицах (территории дисперсного расселения)⁵.

Гендерные и возрастные параметры выборки не задавались, поскольку они не были известны для генеральной совокупности биэтнической группы населения, однако интервьюеры старались соблюдать примерный баланс между различными половозрастными группами. В итоге респондентами стали: 41 мужчина и 59 женщины; 23 человека – в возрасте от 18 до 34 лет, 40 – в возрасте 35–59 лет, 37 – в возрасте 60 лет и старше.

Биэтническая идентичность и ее генезис в русско-украинской группе населения

Для описания своей этничности биэтницы использовали свыше 40 различных формулировок, но, по сути, почти все они отражали соотношение русской и украинской составляющих. Самыми распространенными стали ответы: “и русский(ая), и украинец(ка)” (22 чел.); “хохол/хохлушка” (8 чел.); “преобла-

дает украинская [этничность], но и русская тоже” (6 чел.); “больше русский(ая), но и украинец(ка) тоже” (5 чел.); “наполовину украинец(ка), наполовину русский(ая)” (3 чел.) и т.д. В последнюю перепись населения 2010 г. респонденты записались так: 57 человек – русскими, 40 –украинцами, еще трое не помнят, какую национальность они указали.

Этническое происхождение участников исследования весьма разнообразно. Среди предков (по словам респондентов) у них были: только украинцы – у 40%, украинцы и русские – у 34%, русские, украинцы и представители других национальностей – у 10%; украинцы и представители другой национальности (не русские) – у 7%; 6% отметили, что по документам они русские, но по самоощущению украинцы или “хохлы” (см.: Табл. 1). Были среди наших респондентов-биэтноров даже те, у кого среди предков, по их мнению, были только русские (3%), но сами они тем не менее считают себя отчасти украинцами.

Распределение биэтноров по происхождению предков значительно отличается в городах и сельской местности. В местах традиционного, компактного проживания биэтноров количественно преобладают респонденты, среди предков которых были только украинцы – 52%, лиц смешанного этнопроисхождения здесь 38%. В крупных городах, территориях дисперсного проживания русско-украинского населения, соотношение противоположное: 27% имеют только украинских предков, а 65% – смешанное происхождение (см.: Табл. 1).

Соответственно, механизмы возникновения полиэтничности в сельской местности и крупных городах несколько отличаются. В районах компактного проживания русско-украинского населения распространение двойной идентичности является, как правило, следствием аккультурации украинского населения, т.е. добавления к их украинской идентичности идентичности русской. На территориях дисперсного проживания полиэтничность – чаще всего следствие межэтнических браков, когда обе компоненты этничности в той или иной степени наследуются от родителей. Кроме того, в крупных городах русско-украинские жители в подавляющем большинстве перешли на русский язык в повседневном общении, и сохранение украинской компоненты их этничности ими самими объясняется прежде всего происхождением (“корни”, “кровь” и т.п.). Важным механизмом поддержания украинской идентичности городских биэтноров являются контакты с родиной предков: общение с родственниками на Украине, поездки туда и т.п.

Таблица 1

Этническое происхождение респондентов с русско-украинской идентичностью, %

Национальность	Крупный город/ дисперсное проживание	Сельская местность/ компактное проживание	В среднем
Только украинцы	27	52	40
Русские + украинцы	45	24	34
Русские + украинцы + другие	13	6	10
Украинцы + другие	7	8	7
По документам – русские, по самоощущению – украинцы или “хохлы”	4	8	6
Только русские	4	2	3
Всего	100	100	100

В сельской же местности главным, а нередко и единственным основанием сохранения двойной идентичности является суржик – “хохлацкий” язык, который активно используется в качестве одного из языков общения и языка семьи. К аналогичному выводу пришла и Т.А. Листова, изучавшая “хохлацкое” население в пограничных с Украиной регионах (в Воронежской и Курской областях): «...основным фактором сохранения собственной идентичности как особой этнокультурной общности остается язык... воспринимаемый как свой “хохлацкий” язык, основанный на украинском, но существенно трансформированный» (Листова 2018: 169).

Этническая идентичность русско-украинских биэтноров в их самосознании часто “переплетена” с общегражданской (*русский* большинством воспринимается как синоним *российского*) и региональной идентичностями. Тем не менее в основном респонденты заявляют о приоритете общегражданской идентичности, этническая идентичность занимает вторую позицию, а региональная – третью. Подавляющее большинство респондентов считает себя патриотами России, а свою украинскую компоненту этничности воспринимает как более интимную, семейную, практически никогда не ассоциируя ее с украинским государством. С этим связано и официальное проявление этничности. Большая часть опрошенных в документах или переписях записывалась русскими, т.к. русскость воспринимается как идентичность, сформировавшаяся благодаря внешнему воздействию (образование, работа), соответственно, при необходимости выбора одной “официальной национальности”, как правило, предпочтение отдается “русской”. При этом украинская идентичность также сохраняется за счет воспроизводства в семье и в местах традиционного (компактного) проживания потомков украинских переселенцев.

Как отмечает В.В. Степанов, “[и]дентичность этническая занимает более приватную (персонализированную) часть самоидентификации респондента, а идентичность гражданская – его внешнюю публичную сторону” (Степанов 2019: 143). Это особенно важно, учитывая тот факт, что рядовые жители страны не оперируют такими академическими категориями, как *гражданская* и *этническая* идентичности, в их сознании они “смешаны” (напр.: “русский – по гражданству, украинец – по происхождению” и т.д.). То есть, по сути, русская идентичность, особенно у лиц “чисто” украинского происхождения, выполняет роль гражданской идентичности, но они сами и артикулируют, и воспринимают ее как идентичность этническую.

Изменение соотношения этнических компонент в течение жизни биэтноров

Сама природа двойной этничности обуславливает возможность изменения соотношения ее компонент в течение жизни биэтнора. Другими словами, русская и украинская идентичности могли возникнуть, усиливаться или, наоборот, ослабеть под воздействием тех или иных обстоятельств как личного, так и общественно-политического характера.

Изучение причин изменения соотношения русской и украинской компонент этничности в самовосприятии наших респондентов стало одной из задач исследования. Выявление этих причин позволяет не только понять механизмы возникновения биэтничности, описать ее нынешнее состояние, но и спрогнозировать возможные варианты дальнейшего развития (либо ассимиляция, либо сохранение полиэтничного самосознания).

В ходе проведения интервью респондентам был задан вопрос: “Изменялось ли в течение жизни Ваше самоощущение, оценка собственной национальности?” Ответы на него распределились на две количественно примерно равные группы:

53 человека заявили о тех или иных формах изменения этноидентичности, а 47 человек, напротив, сказали, что они всегда чувствовали в себе двойную русско-украинскую этничность и их ощущение собственной национальности не менялось. То есть почти половина биэтноров, по их утверждению, имеет стабильное этническое самосознание.

Среди респондентов, отметивших трансформацию своей этничности, 28 человек заявили об усилении русской составляющей, 21 – об усилении украинской и еще четверо указали на многократное изменение соотношения компонент этничности. Подчеркнем, что количественное распределение респондентов, заявивших о росте в течение их жизни *русскости* или *украинскости*, может не отображать реального положения дел во всем русско-украинском этносообществе⁷.

Часто респонденты называли несколько причин изменения соотношения этнокомпонент их идентичности, в большинстве случаев они связаны между собой (особенно причины повышения *русскости*). Вследствие этого, при анализе ответов опрошенных мы учитывали все приведенные ими факторы трансформации этничности, поэтому количество ответов респондентов, представленных в Таблицах 2 и 3, превышает общее число опрошенных, указавших на изменение этнических чувств в течение своей жизни.

Причины роста русской компоненты этноидентичности

Наиболее часто встречающейся причиной трансформации компонент этнического самосознания у русско-украинского населения является миграция и, как следствие, изменение лингвокультурного окружения и социального взаимодействия (школа, работа и т.д.), т.е. влияние русскоязычной среды (13 чел.) (см.: Табл. 2).

О росте *русскости* вследствие миграции говорят как респонденты, приехавшие из Украины (10 чел.), так и переехавшие из “украинских” сел в “русские” города в рамках одного региона (7 чел.)

Таблица 2

Причины повышения русской компоненты этноидентичности русско-украинских биэтноров в России

Причина	Кол-во случаев
Влияние русскоязычной среды (работа и т.п.)	13
Переезд из Украины в Россию	10
Внутрирегиональная миграция из “украинского” села в “русский” город	7
Обучение на русском языке	7
“Стигматизация украинскости”, ощущение более высокого социального статуса русской этничности	3
Смена национальности в документах	3
Прекращение/снижение контактов с родственниками на Украине, поездок туда	1
“Притеснение” русского языка на Украине	1
Всего названо респондентами причин изменения соотношения русской и украинской этничностей (в пользу русской)	45
Всего респондентов, заявивших о повышении русской компоненты этноидентичности	28

Далее приводятся ответы респондентов на вопрос: “Если Ваше ощущение, оценка собственной национальности в течение жизни менялось, то расскажите, как и по каким причинам это происходило?”⁸. Трансформацию этничности в результате миграции из Украины в Россию лучше всего описывают следующие ответы опрошенных:

До 17 лет чувствовала себя чисто украинкой, а потом в связи с переездом, в связи с общением, другой нации все преобладает, все вот эти возможные компоненты, конечно, уже и чувствуешь себя русской. <...> И профессия, и общение, и вообще сам облик, все это очень влияет конечно. <...> Язык большую роль играет и общение с людьми (ПМА 2020: жен., 1957 г.р., г. Белгород, переехала из Полтавской обл. Украины в советское время).

Изменялось. Когда в Харькове жила, украинкой чувствовала, потом приехала, все-таки ж родилась в России, – русской, оно ж давит на тебя вся эта обстановка. <...> Менялось из-за переезда, окружения (ПМА 2020: жен., 1981 г.р., Красноярский р-н Белгородской обл., местная уроженка, жила в г. Харькове, вернулась в 2000-е годы).

Конечно, да. Уже ближе к 40 годам я стала себя ощущать полноценным русским человеком, потому что в 25 лет, когда я приехала [в Россию] и стала работать, мне все время напоминали: “Ты что – хохлушка?” А я думаю: “Что я не так делаю?” Куда пойду работать: “Ты что – хохлушка?” Я говорю: “Почему вы так считаете?” “А слышно”. Я старалась, это легко язык переучивать в 25 лет, проблем нету, я старалась. И только после 40 мне перестали говорить. <...> Я вот уже стала думать – я русская, раз реже мне говорят об этом [украинском акценте], я русская, а до 25 лет настоящая украинка (ПМА 2020: жен., 1957 г.р., Хорольский р-н Приморского края, переехала из Ивано-Франковской обл. Украины в советское время).

Наверное, до 2014 г. я себя чувствовала хохлушкой, пока жила на Украине. А когда приехала в Россию, мне пришлось немножко перестроить свое внутреннее ощущение, состояние, и тут уже как-то я больше себя ощущаю русской. То есть из-за переезда, потому что тут живут русские (ПМА 2020: жен., 1980 г.р., г. Воронеж, переехала из Луганской обл. Украины из-за событий 2014–2015 гг.).

Когда я был в украинской культуре, у меня была национальность украинец. <...> А когда приехал в Россию, я увидел как бы, в чем есть разница и что она невелика. И тут я понял, что я, собственно говоря, и русский. Чего мне это все различать? (ПМА 2020: муж., 1989 г.р., г. Воронеж, переехал из Днепропетровской обл. Украины после 2015 г.).

Подчеркнем, что респонденты – выходцы из Украины имеют, как правило, “чисто” украинское происхождение, т.е. среди их предков не было этнических русских, однако это не помешало им не просто принять русскую идентичность, но у многих из них она стала превалировать над украинской.

Практически та же логика трансформации этноидентичности прослеживается и у респондентов, переехавших из сельских районов российских регионов с традиционно высокой долей украинского населения в города – региональные столицы. У таких опрошенных редуцируется украинская компонента этничности при одновременном росте компоненты русской. Помимо смены социокультурной среды такие респонденты, как правило, отмечают влияние русскоязычной школы и сферы образования в целом (7 чел.):

Из-за переезда, конечно. В то время, когда я росла, и это все было [украинское], а потом, когда уже я переехала [в Омск], мне уже ближе вот это все, русское (ПМА 2020: жен., 1954 г.р., г. Омск, переехала из Полтавского р-на Омской обл. в советское время).

Ощущение себя более русским с возрастом в городе, если это считать показателем изменения, ну тогда, наверное, да, переезд [из села в город] влияет (ПМА 2020: муж., 1979 г.р., г. Барнаул, переехал из Родинского р-на Алтайского края в 2000-е годы).

Менялось, конечно, когда я приехала в Белгород, то первым долгом у меня в голове – я сама себе такое давала задание, – говорить только по-русски и ни в коем разе не выдавать то, что я хохлушка, из деревни. В общем старалась вот это все в себе скрыть свое, а перенимала все русское. Получалось так, что окружающая среда как-то не диктовала, но оно получалось так, что лучше быть русским – раз я приехала в город, то надо быть русской (ПМА 2020: жен., 1948 г.р., г. Белгород, переехала из Ольховатского р-на Воронежской обл. в советское время).

Вырос в украинской семье, где говорили на украинском языке, но я первым перешел на русский язык, почему-то. Ну, я самый младший в семье и, конечно, старшие, те уже работали, время то было тяжелое, всем приходилось работать, а я как-то крутился, и вот эти вот девочки-геологи, москвички [жили в доме], они меня быстро обучили русскому языку, я его воспринял сразу. Надо мной мои сверстники стали смеяться, что, мол, говоришь по-русски, но я уже не перешел на украинский язык. Хотя все говорили на нашем украинском наречии. <...> Поэтому вот с детства восприятие русского у меня больше, больше накапливалось (ПМА 2020: муж., 1944 г.р., г. Владивосток, переехал из Михайловского р-на Приморского края в советское время).

Практически единодушно этой группой респондентов отождествлялись этничность и основной язык взаимодействия, прежде всего социального (школа, работа, СМИ и т.д.); но в случае возвратной миграции вновь возрастает украинская компонента этничности (2 чел.):

Раньше, когда в паспорте писалась национальность, всегда было написано “украинка”, но когда я была 30 лет замужем в Омской области, то я там была русская, конечно, а по прибытии сюда опять стала хохлушкой (ПМА 2020: жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

Где-то обострялась украинская самоидентичность, а где-то она притуплялась. Обострялась, когда конфликт начался [события 2014–2015 гг.], притуплялась, когда я жил в Омске четыре года и учился, то общался с различными национальностями... и поэтому круг общения разбавился, поэтому как-то идентичности национальной меньше... в крупном городе она разбавляется. А вот когда я уже на селе, приехал назад, как-то она опять, опять. Потому что как какой праздник – бабушки в вышиванках... сразу украинцы, украинцы (ПМА 2020: муж., 1995 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец).

Примечательно, что в последнем ответе отмечено два фактора: изменение этнокультурной среды вследствие миграции “село–город–село”, а также влияние политических процессов, в частности событий 2014–2015 гг. на Украине.

Некоторые из наших респондентов отмечали повышение своей *русскости* и без миграций, под воздействием постепенной русификации местного украинского диалекта или полного перехода на русский язык:

В детстве, конечно, когда еще родители [были живы], они вообще по-русски не разговаривали – балакалы... конечно, мы тогда считали себя украинцами, а потом уже, как в школу пошла, уже как стала повзрослее, тут уже вот и говорим по-русски и живем так вот по-русски, не по-украински (ПМА 2020: жен., 1948 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

В детстве я себя больше хохлом ощущал, чем сейчас. В детстве больше равнялись на родителей, и в быту больше всего этого и хохляцкого языка (ПМА 2020: муж., 1987 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец).

В детстве, юности больше украинкой себя чувствовала. Раньше я более, несмотря на то что я живу в России, мне прямо важно было, что я украинка, у меня не такое вот как у вас [русских], что-то другое. А сейчас как-то общаешься в течение жизни с людьми, пускаешь в свою душу людей разных национальностей и понимаешь, что не так это важно. <...> Если бы я жила не среди русских, может быть, оно так не было бы (ПМА 2020: жен., 1972 г.р., г. Воронеж, местная уроженка).

Косвенно роль русскоязычного образования в изменении своих этнических чувств отмечают многие респонденты (7 чел.) (см.: Табл. 2), но в качестве основной причины появления русской компоненты систему образования назвали четверо опрошенных:

Да, пока я в школе училась [на Украине], класса до 8, я себя чувствовала украинкой. А потом [после переезда в Россию], здесь я уже на русском проходила. В школу, училище – это уже на русском языке. Вот до этого времени, наверное, да, я себя ощущала больше украинкой. Украинский родной, а сейчас уже русский (ПМА 2020: жен., 1961 г.р., Хорольский р-н Приморского края, переехала из Ровенской обл. Украины в советское время).

В детстве было, когда я только приехала с Украины, я знала только одно слово по-русски: “Айда”. И когда я в школу пришла, мне все: “А тупая, а тупая”, потому что вообще не понимала ничего по-русски и тем более отстала по программе, и, конечно, мне было очень тяжело. Там [на Украине] я была круглая отличница, а сюда приехала – скатилась на тройки-двойки, и для меня это было очень больно, и пальцем показывали, пока, вот, я выучила язык, научилась с ребятами общаться (ПМА 2020: жен., 1955 г.р., Хорольский р-н Приморского края, переехала из Луганской обл. Украины в советское время).

В детстве мы были как-то бессознательно, просто считали, что наши деды вот таки и таки [украинцы], а потом в школе все это в советское время вымаралось как бы (ПМА 2020: муж., 1959 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местный уроженец; ответ частично на суржике).

В детстве мы были украинками, а уже в город пошли учиться, там мы уже русско-украинки, ну как бы русскими (ПМА 2020: жен., 1956 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местная уроженка).

Еще одной причиной понижения украинской компоненты являлся более низкий, по мнению части респондентов, социальный статус украинского языка и культуры (а следовательно, и идентичности), особенно в советский период после свертывания “коренизации”: т.е. восприятие украинской этничности как “отсталой”, “деревенской” или “колхозной” (3 чел.)⁹:

Тоди пысалы без нас [в советское время национальность в паспорте], а может, если спросили, тоди як выдавали паспорт: “Ким ты хочешь – русской или украинкой?”, а б тоди тоже сказала: “Пышить руська”. Тому шо тоди руськи тоже славились, було престижно русскими, а не украинцами (ПМА 2020: жен., 1957 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка; ответ на суржике).

До 12 лет считал себя украинцем. Тут украинцев не так любылы, как русских, когда русские появились [в селе] в 58–59-х гг., нас хохлов не любылы, пришлось переписываться русскими (ПМА 2020: муж., 1950 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец; ответ частично на суржике).

Относительно редкой, но все же отмечаемой причиной трансформации этничности стала смена национальности в документах (3 чел.). Причем очень многие респонденты из сельской местности рассказывали, что “пятую графу” в советском паспорте заполняли, не спрашивая их мнения, – это относится как к русской национальности, так и к украинской.

Написано русский, а там не знаю... а в советское время в паспорте было “украинец”. Як уже в армию пишли в 68 году, после армии “руський” пысался. <...> Запысалы дэ то, паспорт меняли и не пышуть “украинец”, а “русский”, а пэрво было в паспорте – “украинець”. Запысалы и не спросили, раз живэшь в России – значит ты русский (ПМА 2020: муж., 1949 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец; ответ на суржике).

На первый взгляд сама по себе смена национальности в документах не выглядит веским основанием для глубинного изменения внутреннего ощущения этнической идентичности, однако определенное воздействие она оказала. Многие респонденты, особенно в сельской глубинке, с большим пиететом относились к властным структурам, выдававшим им документы, соответственно, они “подстраивались” и под “официальное” изменение национальности, зачастую не меняя ни места жительства, ни языка общения. Отметим также, что случаи произвольной со стороны властей записи национальности (как “русский”, так и “украинец”) в документах советского периода зафиксированы нами только в сельской местности. В городах, как правило, соответствующая графа заполнялась со слов самого гражданина или его родителей.

В качестве причины редуцирования украинской и увеличения русской этничности один респондент назвал снижение частоты контактов с Украиной, один – “притеснение русского языка на Украине” (см.: Табл. 2):

В детстве больше хохлом ощущал, потому что ездили туда [на Украину], ну как традиция – каждое лето отец на свою родину возил, в Донецкую область. Там крестная у него, умерла уже, ну и так знакомые. В детстве за счет того, что поддерживалось это все. А сейчас уже больше к русскому (ПМА 2020: муж., 1983 г.р., г. Белгород, местный уроженец).

Когда на Украине началось притеснение, так сказать, русского языка, когда все начали: “Давайте только на украинском разговаривать. Русский – нет”, тогда я начала чувствовать притеснение своего русского начала, потому что я на этом языке думаю. <...> Больше склонилась в русскую сторону. Если раньше я нейтрально себя ощущала, и русский, и украинский, то, когда вот эти вот события, то более в русскую сторону (ПМА 2020: жен., 1989 г.р., г. Белгород, переехала из Донецкой обл. Украины из-за событий 2014–2015 гг.).

Причины роста украинской компоненты этноидентичности

Рассмотрим теперь причины повышения украинской компоненты этничности русско-украинских жителей России. Наиболее часто встречающаяся – интерес к этническим корням, истории семьи. Эту причину назвали более половины всех респондентов (12 чел.), заявивших о росте своей украинскости (см.: Табл. 3).

Таблица 3

Причины повышения украинской компоненты этноидентичности русско-украинских бизнотров в России

Причина	Кол-во случаев
Интерес к корням, происхождению	12
Посещение Украины, общение с украинскими родственниками	5
Интерес к украинской культуре (музыке, танцам и т.п.)	3
Интерес к политике, истории	3
Внутрирегиональная возвратная миграция из “русского” города в “украинское” село	2
Переезд из Украины в Россию, проявление украинской идентичности на контрасте	2
Служба в армии, внешняя социализация как “хохлов”/украинцев	2
Смена представлений о механизмах воспроизводства этничности	1
Всего названо респондентами причин изменения соотношения русской и украинской этничностей (в пользу украинской)	30
Всего респондентов, заявивших о повышении украинской компоненты этноидентичности	21

Приведем несколько типичных мнений:

Раньше я еще не понимала, что означает быть человеком определенной национальности, и с той точки зрения, что я родилась в России, я считала себя русской. Но, заинтересовавшись историей своей фамилии, семьи, я поняла то, что я больше украинка (ПМА 2020: жен., 2002 г.р., г. Омск, местная уроженка);

До армии, до колледжа больше себя русским считал, в историю своих корней не вдавался... а вот когда уже начал анализировать, как мои предки, бабушка с бабушкой, пели украинские песни... мне стала близка и украинская культура. <...> Поэтому получается лет с 20 где-то я начал приобщаться к украинской культуре, но я б не сказал, что я стал украинцем, просто в тот момент я стал ощущать, что у меня украинские корни, я ощутил, что я русский украинец (ПМА 2020: муж., 1974 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец);

Из-за рассказов родителей. Со временем то, что узнавал, побольше, побольше. С возрастом больше ощущаю русско-украинским человеком (ПМА 2020: муж., 1997 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец);

В детстве – русский, а в старших классах начал осознавать, смотреть историю своей семьи, села и уже потом выяснять, кто ты <...> Теперь украинец на первом месте (ПМА 2020: муж., 1988 г.р., Хорольский р-н Приморского края, местный уроженец);

Когда жила в Казахстане, еще маленькая была, считала русской, а сюда переехала [в Россию], потому что я больше узнала свою родословную, здесь находясь, тут я узнала больше историю и уже побывала на своей родине [Украине], стала считать больше украинкой (ПМА 2020: жен., 1998 г.р., г. Белгород, переехала из Костанайской обл. Казахстана в 2000-е годы).

Отметим, что интерес к этническим корням характерен прежде всего для молодежи и людей среднего возраста, в то время как старшее поколение, напротив, чаще заявляет, что, когда они были молодыми (советское время), они не думали о своем происхождении. Другими словами, после распада СССР произошел всплеск интереса к истории своей семьи и родине предков, что привело в том числе и к появлению или возрождению украинской идентичности у части лиц украинского происхождения.

Подчеркнем интересную деталь: многие из тех, кто говорил о повышении своей *русскости*, использовали суржик, а мнения о причинах повышения своей *украинскости* были выражены на чистом русском языке. То есть, даже утратившие украинский язык или его производные (суржик), респонденты при появлении интереса “к корням” восстановили свою украинскую идентичность.

Близка по смыслу предыдущей (интерес к своей родословной) и причина, названная тремя респондентами: появление интереса к украинской культуре (прежде всего к музыке, песне); она также обусловлена этническим происхождением:

Она [украинская идентичность] как-то затухала во мне, а потом, когда у меня дочь выросла и пошла по направлению украинских песен, украинский быт, ну это все в нас прям возобновилось, основа (ПМА 2020: жен., 1981 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка);

Я когда родилась, я только знала, что мы русские, но потом, когда столкнулась с фольклором... стала понимать, что это именно Украина, украинский язык. До этого думала, что этот язык [украинский] как диалект русский, думала, что “хохлы” – это просто деревенское название (ПМА 2020: жен., 1962 г.р., г. Барнаул, переехала из Карасукского р-на Новосибирской обл. в советское время).

Второй по частоте упоминания причиной повышения украинской составляющей в этничности наших респондентов стали поездки на Украину или общение с родственниками, живущими там (5 чел.):

Ну, это, конечно, общение с исторической родиной, с той родиной, где вырос отец и откуда корни. Чем чаще я туда приезжал, чем чаще бывал, тем больше укреплялось вот это чувство украинства (ПМА 2020: муж., 1959 г.р., г. Омск, местный уроженец);

В детстве я как-то не ощущала украинка я или не украинка, а вот когда съездила туда, на Украину, и когда это увидела, познакомилась со своими родственниками, общалась, я, конечно, это ощутила. <...> Русской ощущала с самого рождения, потому что советские времена, а ж тут что скажу, я родственников не видела, я себя ощущала россиячкой (ПМА 2020: жен., 1957 г.р., г. Омск, переехала из Таврического р-на Омской обл. в советское время).

Воздействие общественно-политических процессов на этничность – причина относительно редкая, на нее нам указали три респондента, отметив повышение украинской компоненты идентичности:

Когда был маленький, особенно не задумывался, ну русский и русский, считал. Этот перелом наступил, когда стал бывать на Украине, учить язык, и меня потянуло в европейскую культуру. Это началось в эпоху развала Советского Союза и распада всего, я смотрел, как Россия в негативном плане меняется (ПМА 2020: муж., 1967 г.р., г. Барнаул, местный уроженец);

Лет до 20 примерно не задумывался: русский и русский. Хотя знал, что по маме все украинцы, и каждое лето, пока бабушка была жива, ездили на родину мамы [“украинское” село в Белгородской обл.], там, соответственно, все по-украински, как говорят, хохлячи. А потом в 2004 г. в связи с Оранжевой революцией стал интересоваться Украиной, культурой, политикой и т.д. и понял, что это ближе, роднее. Тем более что у отца [в родословной] тоже украинцы были (ПМА 2020: муж., 1984 г.р., г. Белгород, местный уроженец).

Ранее, при анализе причин роста русской компоненты идентичности респондентов, мы отмечали, что миграция является одним из ключевых факторов изменения этнических чувств в пользу увеличения *русскости*. Однако миграция может давать и диаметрально противоположный эффект, а именно – возрастание *украинскости* при переезде из Украины в Россию (впрочем, респондентов, выразивших такое мнение, примерно в пять раз меньше, чем тех, у кого при переезде усилилась/появилась русская идентичность; см.: Табл. 2, 3). В таком случае возрастание *украинскости* происходит на контрасте с русским окружением. Причем нередко такие респонденты, проживая на Украине, считали себя больше (или даже только) русскими:

Всю жизнь считал, что я русский, живу на Украине. <...> До этого [переезда] не думал, что разница есть, а вот когда переехал, почувствовал, что больше все-таки украинец (ПМА 2020: муж., 1980 г.р., г. Воронеж, переехал из Луганской обл. Украины из-за событий 2014–2015 гг.);

Я там себя вообще украинкой не чувствовала, когда жила в Донецке [до 2014 г.], а когда сюда приехала, просто, наверное, вот эта отдаленность от родины, и стала ощущать себя хоть хохлушкой, хоть украинкой. <...> Если б я так не попала [в Россию], я б, наверное, и не воспринимала, и не чувствовала себя украинкой. <...> Здесь я стала чувствовать себя украинкой, здесь мы стали больше это ценить (ПМА 2020: жен., 1966 г.р., г. Владивосток, переехала из Донецкой обл. Украины из-за событий 2014–2015 гг.).

Традиционно считается, что такие государственные институты, как учреждения образования и армия, являются основными механизмами нивелирования этнокультурных различий и ассимиляции меньшинств. Как было показано выше, школа и другие учреждения образования в России действительно выполняют эту функцию, однако влияние армии не столь однозначно. Два наших респондента отметили, что армия сыграла в их жизни, скорее, роль “будителя” украинских этнических чувств:

Где-то до 20 лет не придавал сильно большого значения [национальности], а срочная служба в армии, где у меня был командир отделения украинец, командир взвода украинец, командир роты украинец, и все вот это меня окружало, все эти разговоры. <...> В период срочной службы в Советском Союзе процентов 70–80 сержантов были из Украины (ПМА 2020: муж., 1973 г.р., г. Омск, местный уроженец);

Я в армии служив и, наверное, мисяца три хлопци и не знали, что я по хохлацки умію балакати, а потом як забалакав – они смиються... И не только я был [украинцем]... у нас учебка была вся с Омской области – з Буныковкы, Полтавка, Павлоградский, Одеський район, 90 человек, вси (ПМА 2020: муж., 1948 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец; ответ на суржике).

Во время службы в советской армии большую роль в повышении *украинскости*, помимо большой доли украинцев среди сослуживцев, сыграла внешняя социализация: выходцы из украинских районов страны назывались “хохлами” (респонденты заявляют как о случаях оскорбительного, так и нейтрального использования этого этнонима в армии по отношению к ним).

Причину повышения доли украинской компоненты, которую можно сформулировать как смену представлений о сути этничности, механизмах ее воспроизводства, указал один из респондентов (см.: Табл. 3):

В первый паспорт я записывала “русская” [живя на Украине], по папе, потому что я считала, что важнее то, что по папе записано. <...> Но потом то, что я писала в 16 лет “русская”, это совсем не то, а в зрелом возрасте всегда указывала национальность “украинка” [по стране, в которой выросла, где живут родные] (ПМА 2020: жен., 1971 г.р., г. Владивосток, переехала из Полтавской обл. Украины в 1990-е годы).

* * *

Проведенное в разных субъектах РФ исследование показывает, что русско-украинские биэтноры имеют в целом единый набор механизмов формирования и трансформации своей этничности. Русская компонента идентичности биэтноров во всех пяти регионах обосновывается проживанием в России, преимущественным использованием русского языка, принадлежностью к русской культуре и/или наличием русских предков.

Фактор территориальной удаленности от Украины играет значимую роль в восприятии респондентами своей украинской части идентичности. Так, в приграничных с Украиной регионах РФ ощущение себя частично украинцами более рутинизировано, здесь элементы украинской идентичности – это естественная часть территориальной (региональной) традиции; в регионах же Сибири и Дальнего Востока *украинскость* чаще имеет перцептивную отсылку к “утраченной”, во многом мифологизированной родине предков (“Украина – квітучий край”), а эмоциональное сопереживание своей *украинскости*, как правило, выше, чем в европейской части России.

Региональная специфика этнического самосознания проявляется также в несколько меньшей рефлексии опрошенных по вопросам этнической самоидентификации на территориях российско-украинского пограничья. В ходе бесед с нашими респондентами было видно, что (за исключением необходимости определиться при проведении переписи населения или в документах) лишь некоторые из них (прежде всего из числа интеллигенции) задумывались о своей национальности. В Сибири и на Дальнем Востоке уровень рефлексии относительно этнического самоопределения несколько выше, хотя и здесь он тоже невысок. По всей видимости, такая ситуация обусловлена наличием в регионах азиатской России больших групп “видимых меньшинств”, антропологически и культурно отличающихся от славян, т.е. большей ролью “национального фактора” как такового, а также более поздним сроком миграции переселенцев из Украины¹⁰.

Несмотря на некоторые региональные различия в своей идентичности, русско-украинское население разных регионов России имеет гораздо больше общих черт: схожий русско-украинский язык (суржик, или “хохляцкий”), полная или частичная идентификация себя с этнонимом “хохлы” (который многими воспринимается именно как самоназвание этой субэтнической группы), сохранение близких этнокультурных и религиозных традиций и т.п.

По признаку трансформации этнической идентичности в течение жизни биэтноры делятся на две численно примерно равные группы: тех, у кого ощущение двойной этничности присутствовало всегда, и тех, у кого соотношение русской и украинской компонент этничности менялось под воздействием различных факторов. Трансформация этничности, вне зависимости от вектора, происходила в возрасте от 10 до 30 лет, т.е. в период активной социализации и становления личности.

Главным фактором роста русской компоненты этноидентичности респонденты называют влияние русскоязычной среды, как правило, вследствие миграции (либо из Украины в Россию, либо из “украинского” села в “русский” город). Однако в случае возвратной миграции в сельскую местность с преобладающей украинской этнокультурной средой украинская компонента этничности вновь возрастает. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о ситуативности этнической идентичности части биэтноров и о значительном воздействии на их идентичность этнокультурной среды, а с другой – о ее устойчивости, т.к. вторая “национальность”, пребывая в иноэтнической среде, не “пропадает” полностью, а лишь “затухает”. Важнейшим фактором роста *русскости* является также русскоязычная система образования.

Небольшая часть респондентов в качестве причины роста русской компоненты этничности назвала ее большую социальную престижность, обусловленную главным образом тем, что украинский язык в школе не изучается. Неизбежная в такой ситуации ассоциация украинского (“хохляцкого”) языка и культуры с “деревней” у некоторых респондентов стигматизировала украинскую идентичность, побуждая их и “записываться” русскими, и начать себя в какой-то степени идентифицировать как русских. Изменение соотношения компонент этничности у некоторой части опрошенных, особенно из сельской местности, было вызвано сменой национальности в документах, что привело к “подстройке” этнических чувств под национальность в паспорте.

Главным фактором роста украинской компоненты этничности респонденты называют интерес к своей родословной, к “корням”. Как правило, они уже не знают украинского или “хохляцкого” – языка предков, но обращение к своему этническому происхождению пробуждает украинскую составляющую их идентичности. Кроме того, важными факторами роста *украинскости* являются: общение с родственниками на Украине и/или поездки туда; интерес к украинской культуре, прежде всего к песне; общественно-политические события (распад СССР, Оранжевая революция, конфликт 2014–2015 гг.) и др.

У некоторой части мигрантов из Украины переезд в Россию вызвал рост украинских этнических чувств: ностальгия по родине и социокультурные контрасты с российским обществом привели к осознанию своей *украинскости* (хотя у большинства мигрантов из Украины переезд, напротив, повышает значение русской компоненты этничности). Примечательно также, что повышение *украинскости* вследствие миграции из Украины в Россию мы зафиксировали среди переселенцев из Восточной Украины, а повышение русскости – у переселенцев из Центральной и Западной Украины. То есть переезд в Россию жителей Западной Украины привел к появлению у них и нередко даже преобладанию (в случае длительного проживания) русской этничности, поскольку для них

ситуация наличия социокультурных различий между украинской и российской средой была вполне ожидаемой. Напротив, для переселенцев из Восточной Украины, для многих из которых русский язык является родным, наличие значимых социо- и этнокультурных различий стало, по их словам, неожиданно, отсюда ситуация осознания своей *украинскости*.

Несколько респондентов-мужчин фактором роста украинской этничности назвали службу в советской армии, где молодые люди, проходя важный этап социализации, столкнулись с большой долей украинцев среди сослуживцев, а также осознали свою этничность за счет восприятия их в армии как “хохлов”/ украинцев.

В целом результаты исследования показывают неоднозначность тенденций развития этнического самосознания русско-украинских биэтноров. С одной стороны, налицо продолжающееся “размывание” украинских этнокультурных и лингвистических особенностей: переход большинства на русский язык как основной, массовое незнание украинского литературного языка (за исключением выходцев из Украины), восприятие суржика – “хохляцкого” языка как сельского, непрестижного диалекта. Язык же, особенно для жителей сельской местности, – главный этноконсолидирующий маркер, отличающий “хохлов” от остального населения. С другой стороны, у людей молодого и среднего возраста, даже не владеющих украинским языком (или суржиком), интерес к своим этническим корням, культуре, к резонансным общественно-политическим событиям, связанным с Украиной, пробудил украинскую компоненту идентичности.

Примечания

¹ Вот как, например, описывает значение “пятой графы” для украинского населения Центрального Черноземья Н.В. Проскурина: «...обязательное заполнение графы “национальность”, привело к “престижности” быть русским. <...> Многие взрослые украинцы, чтобы “открыть” возможность получения образования, карьерного роста своим детям, стали записывать их русскими» (*Проскурина* 2017: 97). В данном случае речь скорее идет не об административном ограничении получения образования лицами с национальностью “украинец” в документах, а о формировании (после принудительного перевода системы образования и делопроизводства в районах компактного проживания украинцев РСФСР на русский язык в 1933 г.) восприятия украинского языка как сельского, отсталого, менее культурного и, соответственно, непрестижного, что приводило к отказу от украинского языка и украинской идентичности, особенно людей, желавших сделать карьеру.

² Например, трансформация политического режима в 1920–1930-е годы и изменение национальной политики от более либеральной “коренизации” к “опоре на национальное большинство” привели к внедемографическим изменениям статистики этнического состава. Так, в РСФСР (в границах 1939 г.) численность украинцев сократилась с 6948 тыс. человек по переписи 1926 г. до 3359 тыс. по переписи 1939 г., т.е. более чем в два раза. При этом численность русского населения увеличилась почти на четверть (с 72 676 тыс. до 90 306 тыс. человек, соответственно). Если в 1926 г. украинцы были крупнейшим после русских народом РСФСР (их было в 2,5 раза больше, чем татар), то по всем последующим переписям вторым по численности народом России уже всегда становились татары (рассчитано по данным: Демоскоп Weekly б.г.).

³ По данным исследований Института этнологии и антропологии РАН, двойную национальность в указанных регионах имеет примерно равное количество жителей: 13% – в Белгородской обл., по 12% – в Воронежской и Омской обла-

стях, 11,7% – в Приморском крае, что немного ниже среднероссийского уровня, оцениваемого в 15% (Степанов 2019: 153). Учитывая историю развития этнического состава населения названных регионов, можно предположить, что большинство биэтноров в них – жители с русско-украинской этничностью.

⁴ Большинство респондентов, отвечая на вопрос о своей национальности, не использовало этноним “хохол”, так как не считало его достаточно легитимным (официальным) (“А что это такое? Такой национальности нету. Хохол – это не национальность” [ПМА 2020: муж., 1961 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл.]). Но на уточняющий вопрос, считает ли респондент себя “хохлом”, подавляющее число опрошенных (более $\frac{3}{4}$) ответило положительно, кроме того, большинством этот этноним воспринимается как самоназвание русско-украинского населения.

⁵ Были выбраны: в Белгородской области – Краснояружский район и г. Белгород, в Воронежской – Россошанский район и г. Воронеж, в Омской – Павлоградский район и г. Омск, в Алтайском крае – Романовский район и г. Барнаул, в Приморском крае – Хорольский район и г. Владивосток.

⁶ В переписях населения или документах такие респонденты записываются русскими или украинцами, поэтому мы считаем корректным включать их в русско-украинское биэтническое сообщество. Кроме того, как уже было отмечено, условием участия в исследовании респондентов, идентифицирующих себя как “хохлы”, было восприятие этого самоназвания в качестве объединяющего (“хохол” – это и русский, и украинец), а не самостоятельного этнонима (“хохлы” – это и не русские, и не украинцы).

⁷ Количественное распределение будет изучено при проведении массового анкетирования биэтнических жителей. Целью интервью, проведенных в 2020 г., являлось изучение качественных характеристик, т.е. выявление и систематизация всего возможного спектра мнений по исследуемой проблематике. Поэтому здесь мы приводим общее количественное распределение ответов респондентов на вопрос о направленности и причинах изменения их этнических чувств, но не проводим детального количественного анализа.

⁸ Вопрос задавался респондентам, ранее ответившим, что их самоощущение, оценка собственной национальности менялась (53 чел. из 100).

⁹ Вместе с тем нужно подчеркнуть, что такие мнения преобладают среди представителей исследуемой группы в безусловном меньшинстве. Более того, есть и противоположные суждения, превозносящие украинскую часть идентичности. Например: “...украинка ассоциируется у меня и в моем окружении, что это человек очень смекалистый, быстро ориентирующийся, подстраивающийся под различные обстоятельства, активный человек, яркий такой, эмоциональный... Это что-то быстрое, динамичное, красивое, современное” (ПМА 2020: жен., 1974 г.р., г. Воронеж, местная уроженка). В целом же большинство биэтноров воспринимает свои *русскость* и *украинскость* равноценно, без стигматизации одной или другой части этничности.

¹⁰ В основной массе переселение украинцев в регионы азиатской части происходило в конце XIX – начале XX в., в то время как территории традиционного проживания украинцев в европейской части были заселены ими совместно с русскими в XVII–XVIII вв.

Источники и материалы

Демоскоп Weekly б.г. – Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств (приложение) // Демоскоп Weekly. <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Этносоциологическое исследование (глубинное интервью) в 2020 г.: Белгородская обл. (август–сентябрь), Воронежская обл. (август–сентябрь), Омская обл. (июль), Алтайский край (июль), Приморский край (август, октябрь).

Научная литература

- Бубликов В.В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 4. С. 562–574.
- Ермак Г.Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края // У карты Тихого океана. 2015. № 35 (233). С. 10–13.
- Листова Т.А. Влияние границ на современную этнокультурную ситуацию на юго-западе России // Межнациональные и межконфессиональные отношения в приграничном регионе: состояние и тенденции. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. В.В. Зотова. Курск: Курская академия гос. и муниципальной службы, 2018. С. 161–171.
- Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–139.
- Люля Н.В. Этническая идентичность украинцев и потомков украинских переселенцев Сибири в работах исследователей в 1990–2010-е годы // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 103–108.
- Проскура Н.В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.
- Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
- Степанов В.В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.
- Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.
- Тишков В.А. Демографические “голодоморы” // Родина. 2007. № 7. С. 84–89.
- Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748–753.

Research Article

Bublikov, V.V. Between Russians and Ukrainians: Transformation of Ethnic Identity of Persons with Russian-Ukrainian Ethnicity in Russia [Mezhdu russkimi i ukrainskimi: transformatsiia etnicheskoi identichnosti lits s russko-ukrainskoi etnichnost'iu v Rossii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 168–187. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020117> EDN: HSGCVW ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vasily Bublikov | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | Belgorod State University (85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia)

Keywords

ethnic identity, multiple ethnic identity, multiethnicity, bi-ethnics, Russians, Ukrainians, Russian-Ukrainians

Abstract

The article is devoted to the analysis of the results of an empirical study carried out among residents with Russian-Ukrainian identity in several regions of Russia in 2020. The purpose of the article is to study the stability of the ethnic self-consciousness of Russian-Ukrainian bi-ethnics and the reasons for its transformation. The study revealed that this ethnic group is divided into two approximately equal subgroups: those who always had a feeling of dual ethnicity, and those whose ratio of the Russian and Ukrainian components of ethnicity changed under the influence of various factors. Respondents name the growth factors of the Russian component of their ethnicity as follows: the influence of the Russian-speaking environment, as a rule, due to migration; education in Russian and the resulting feeling of greater social prestige of Russianness; change of ethnicity in documents, etc. The growth factors of the Ukrainian component of ethnicity are: interest in origin, «roots»; visiting Ukraine and communicating with relatives in there; interest in Ukrainian culture; social and political events, etc.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [grant no. 20-011-00676]

References

- Bublikov, V.V. 2019. Uroven' rasprostraneniia mnozhestvennoi russko-ukrainskoi etnoidentichnosti v Belgorodskoi oblasti [The Level of Distribution of Multiple Russian-Ukrainian Ethnoidentity in the Belgorod Region]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii. Sotsiologii. Pravo* 44 (4): 562–574.
- Ermak, G.G. 2015. Etnokul'turnaia istoriia ukraintsev Primorskogo kraia [Ethnocultural History of Ukrainians in Primorsky Krai]. *U karty Tikhogo okeana* 35 (233): 10–13.
- Fursova, E.F. 2019. Problemy etnokul'turnoi identichnosti ukrainskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri (v nachale XX i nachale XXI veka) [Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* 25: 748–753.
- Listova, T.A. 2014. Voronezhskie ukraintsy – russkie khokhly [Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols]. *Vestnik antropologii* 2: 116–139.
- Listova, T.A. 2018. Vliianie granits na sovremennuiu etnokul'turnuiu situatsiiu na yugo-zapade Rossii [Influence of Borders on the Modern Ethnocultural Situation in the South-West of Russia]. In *Mezhnatsional'nye i mezhkonfessional'nye otnosheniia v prigranichnom regione: sostoianie i tendentsii* [Interethnic and Interfaith Relations in the Border Region: State and Trends], edited by V.V. Zotov, 161–171. Kursk: Kurskaia akademiia gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby.
- Lyulya, N.V. 2020. Etnicheskaiia identichnost' ukraintsev i potomkov ukrainskikh pereselentsev Sibiri v rabotakh issledovatelei v 1990–2010-e gody [Ethnic Identity of the Ukrainians and Descendants of the Ukrainian Immigrants to Siberia in Research Works of the 1990–2010s]. *Manuskript* 13 (12): 103–108.
- Proskurina, N.V. 2017. Russko-ukrainskii simbioz na territorii Voronezhskoi

- oblasti [Russian-Ukrainian Symbiosis on the Territory of the Voronezh Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiia. Geoekologiya* 4: 95–99.
- Soroko, E.L. 2014. Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiiskoi Federatsii [Ethnically Mixed Families in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obozrenie* 1 (4): 96–123.
- Stepanov, V.V. 2018. Etnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenii [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov, 62–88. Moscow: IEA RAN.
- Stepanov, V.V. 2019. Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziiia Rossii [Measuring the Cultural Diversity of Russia]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziiia. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnic Statistics], edited by M.Y. Martynova and V.V. Stepanov, 140–154. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 2007. Demograficheskie “golodomory” [Demographics “Holodomors”]. *Rodina* 7: 84–89.